

Моск. новости. – 1997. – 28 сент. – 5 окт. – с. 4, 5

Какие бы ни кипели страсти вокруг имени Солженицына, как ни расходилось бы его ощущение времени и страны с тем, как понимают ситуацию власти, непреложным, как и много лет назад, остается факт: миллионы размышляющих людей – граждан хотят знать, что думает о сегодняшнем дне, над чем работает Александр Исаевич, хотят сверить по писателю и свою жизнь. Именно им и адресованы эти страницы «Московских новостей». Мы благодарны Александру Солженицыну за эксклюзивное право, предоставленное нашей газете, на публикацию его выступления на «круглом столе» «Наука на рубеже нового тысячелетия» Российской Академии наук.

Александр СОЛЖЕНИЦЫН

СТЕНОГРАММА

Накануне выхода в свет этого номера, «Радио России» начало трансляцию цикла из 65 передач, в которых Александр Солженицын читает собственную композицию по историческому роману «Красное Колесо». Предваряя первую передачу, писатель дал интервью журналисту Александру Кукесу.

– Итак, Александр Исаевич, вы начинаете добре дело – чтение отрывков из «Красного Колеса» в год и даже в преддверии 80-летия октябрьского переворота, официально до сих пор именуемого коммунистами Великой октябрьской социалистической революцией.

– Действительно, 1997 год – это 80-летие, но 80-летие, как у нас сейчас говорят, октябрьского переворота, или революции. Еще ранее того, это 80-летие февральской революции. Мне в ходе работы над этим повествованием самому пришлось постепенно понять и открыть, что

главным событием 17-го года был именно февраль. Февральская революция, когда она уже произошла, в течение самого малое трех дней, а так в 3 – 4 недели, определила весь ход и 17-го года, и на 60 – 70 лет вперед судьбу нашей страны. Именно из того, какова была февральская революция и что из нее истекало, октябрьский переворот выходил автоматически. Он уже не мог не произойти. Так что то, что мы отмечаем 80 лет в октябре, празднуем или сокращаемся, это уже следствие февраля. Февраль – март 17-го года – собственно единственная реальная революция, которая в России и произошла, повернув Россию на эпоху вперед, на новые пути. В феврале события текли буквально по минутам. Мне приходилось, следя, переходить от одного события к другому, я придерживался простой хронологии – если что-то произошло на 5 – 10 минут раньше, я о нем сперва пишу. Что-нибудь на полчаса позже – о нем после. И так постепенно, как оно ило. «Март 17-го» – так называется эта часть «Красного Колеса», посвященная февральской революции. Это 4 тома, а я составил для слушателей как бы конспект, отжимку, составил главные яркие события

с историческими лицами, или просто эпизодическими, бытовыми, какие были в то время в городах, на железных дорогах, в селе.

...Что меня побудило торопиться донести до моих соотечественников историю февраля? По мере того, как я работал над революцией февральской, а работал я в общем над «Красным Колесом» 54 года, из них 20 лет не разгибаясь, просто все время писал – 20 лет, – так вот по мере того, как я работал, я понимал, что это нам грозное предупреждение от судьбы. Нам надо знать уроки февральской революции. Мы же их не знаем потому, что большевики заслонили февральскую революцию как ничтожную буржуазно-демократическую – нечего о ней разговаривать. И вот, я помню, еще в юности был такой день, по новому стилю 12 марта – день падения самодержавия. Но еще школу я не кончил, как уже его отменили, и вспоминать нечего. То есть февральской революции вообще как не было – ничтожное событие. А все дело в том, как большевики захватили власть. Так вот это искажение истории приводит к тому, что мы жили десятилетиями, не понимая, что произошло с Россией в 17-м году. Мы никогда не по-

нимали, какие безумные ошибки допустило и общество, и царская власть, и политические деятели. Какие безумные ошибки они допустили в феврале и марте 17-го года, и еще в апреле потом! Мы этого не понимали, и я тревожился: как бы это повторилось. Я ожидал падения большевизма. Находясь в изгнании, я ожидал, что это произойдет. Я хотел, чтобы мое сообщение о том, что такое февраль, – о его опасностях, о его заблуждениях, – чтобы оно достигло читателей раньше, чем произойдет новое сотрясение. И вот эти передачи я 10 лет назад передавал по «Голосу Америки». Но в то время, а это были 87 – 88-й годы, здесь уже текущие события хлынули, свалились на голову, и предупреждение опоздало. Опоздало. И как я сейчас вижу, за последние 10 лет мы совершили новый ряд жестоких ошибок,

не точно повторяющих февральскую революцию, но во многом повторяющих – по духу. Конкретно другие люди, другие ситуации, другие проблемы вроде как будто решаются, но нравственно, морально, умственно, духовно это то же самое кружение. Та же самая катастрофа, которая была в феврале. Так вот, предупреждение опоздало. А может быть, оно

еще сегодня не опоздало, может быть, еще и сегодня кто-то, послушав эту серию передач, задумается над происходящим и как-то найдет возможность повлиять на ход событий? Может быть...

– Вы сказали «повлиять». Кто может повлиять?

– Вообще творец своей судьбы народ. И, собственно говоря, ни один человек из нас не остается безучастен, то есть без влияния на судьбу своей страны. Ни один. Конечно, сейчас, на поверхности, мы видим правящую олигархию, которая управляет, не спрашивая народ. Конечно, вот я много ездил по провинции, по огромным просторам России (я объездил 26 областей), я видел, что огромное множество нашего народа – талантливое, инициативное, ищущее примирения, находится в безвыходном положении. И уже повлиять они не могут. Казалось бы, надо активизировать местное самоуправление. Через местное самоуправление брать в руки власть. Но и местному самоуправлению вот уже 4 года, вторая Дума уже не дает закона нужного, не дает. И власти мешают созданию местного самоуправления, земства – просто из ревности, из боязни, что народ начнет

Александр СОЛЖЕНИЦЫН Исчерпание культуры?

Выступление на «круглом столе»
Российской Академии наук.

Упомянув в заголовке слово «культура», я должен пояснить, какого определения придерживаюсь. Двух. Одно – различающее цивилизацию как возделывание среды, условий обитания, и культуру как возделывание внутренней жизни человека, его души. Второе: культура есть совокупность интеллектуальных, мировоззренческих, этических и эстетических достижений. Как видим, определения эти сходятся в одно: что главное в культуре – развитие, обогащение, совершенствование нематериальной жизни.

Так вот, уже не первое столетие идет в цивилизованном мире далеко не сразу замеченный процесс потери духовной сосредоточенности и высоты, процесс рассеяния, быть может невосполнимой растраты духовных ценностей. В XIX веке еще редко кто различал его. Но уж весь XX век, столь технически успешный, а психологически поспешный, разными путями действовал к снижению культуры. Этот крушительный мировой процесс, неуклонный от десятилетия к десятилетию, застал нас, однако, как бы врасплох. И широко – однако необоснованно – создалась иллюзия культурного пресыщения, культурной усталости: будто уже вся возможная культура отработана нами, исчерпана и уже не питает нас.

Можно назвать по крайней мере несколько причин, приведших к этому упадку культуры.

Одна из них: губительная для высокой культуры утилитарность требований – все равно, истекает ли она от социалистического-коммунистического принуждения или от рыночного принципа продажи и покупки. Недавно Папа Иоанн Павел II высказал, что вслед уже известным нам двум тоталитаризмам – теперь грядет Тоталитаризм Тре-

Февральская революция – это грозное

ним наступает равнодушная нечувствительность, падает в них нужда и даже не замечается утеря их.

Оговоримся, что это не вытекает из самой природы массовой культуры: само по себе демократическое искусство может достигнуть вершинных образцов, как мы это видим в фольклоре многих народов, – тут вся беда в опошляющих, морально неразборчивых ухватках преподнесения.

В такой обстановке опадает наиболее творческая часть культуры. Это относится и к философско-мировоззренческому циклу, и к вершинам теоретических наук, пока далеких от утилитарного применения, и, разумеется, и даже в первую очередь, ко всему искусству. Художник теряет стимулы творить применительно к суждениям высших знатоков, ценителей – и сам себе дает опуститься в требовательности к своему труду, и еще более увлекаем в этом выхватами заказов для поверхностного потребления. Так падают – и быстро – многие роды искусства, впадают в низкое ремесло, настойчиво возобновляются и возобновляются примитивные формы. Сперва вкусы к ним воспитываются (навязываются) самими ухватками подачи, затем производятся «общественные опросы», обнаруживаются эти же самые «вкусы» и тем получают желаемое оправдание самоповторов и дальнейшего снижения уровня. В подобных действиях тут каждому на первый план выступает повседневное телевидение, а оно повлекло за собою в падение и столб многое обещавшее киноискусство. (В Голливуде, и не только там, существуют «оценочные бригады» для сценариев, по разработанной системе баллов они дают оценки и решающие советы, как изменить сюжет, персонажей и другие элементы для лучшей «кассовости» фильма. Эти опошляющие приемы, кажется, не знают себе границ, с такой же самоуверенностью ныне перерабатывают и классиков; вот компания Дисней исправила промах Виктора Гюго – и Эсмеральда вместо трагической гибели получает happy end, счастливое замужество.) Понапалу искашенного искусства, уже давно псевдоискусства, расширяется победно, ничем не сдержанно, калечит слуховые и зрительные восприятия людей, захламляет души.

Насколько необратим, невыправим этот процесс массового всеопошления? Если судить по более близкой мне области художественной литературы – путь к восстановлению высоких уровней еще не закрыт, еще не отнят у нас, хотя и потребует большой концентрации способностей и усилий. Принципиально, по самой природе искусства, гиб-

кости и многогранности его, – элитарность и народность могут сосуществовать в одном же литературном произведении, оно может быть, при удаче, – многоуровневым, написанным так, что достижимо и удовлетворяет одновременно читателей разного уровня понимания и восприятия; а у кого со временем происходит возвышение уровня – они читают ту же книгу еще с новым пониманием. Отказного приговора здесь нет. Но автору надо стать выше сиюминутных требований литературного рынка, выше расчетов на заведомый близкий успех.

Думаю, что это относится и к многим областям культуры и к тем областям наук, которые еще могут позволить себе жить не-коллективной жизнью.

Однако самая коренная, органическая причина совершающегося падения культуры – в том, что культура выдохлась из-за своей секуляризации. Уже несколько веков все более овладевала умами просвещенного человечества – антропоцентризм, благовиднее названный гуманизмом, а в XX веке переросший уже в гуманизм едва ли не тоталитарный. Но самоуверенный антропоцентризм не может дать ответов на многие насущные вопросы жизни, и тем он беспомощнее, чем эти вопросы глубже. Из системы человеческих представлений и мотивировок все разрушительнее изымается духовная составляющая. От этого исказилась вся иерархия ценностей, искалилось понимание сущности самого человека и его жизненных целей. Одновременно человек все более выпадал из ритма, из дыхания Природы, Вселенной.

А уж опасность предвидел еще Блез Паскаль, – думаю, никто из присутствующих здесь не откажет ему в высоком научном авторитете. Он предупреждал: «Последняя сущность вещей доступна только религиозному чувству». И спустя три столетия его суждение еще весомее для нас. Сколько раз мы могли уже убедиться, что суть всех исторических процессов – не на зримой поверхности, а в духовной глубине. Так и возникший нынешнем человечестве кризис мировоззрения и этический хаос. Так и культура не распахнется нам вновь в ее неискаженных глубинах, пока не возродится к тому нравственная почва.

Размышая о культуре в самых общих чертах, надо не упустить еще одну существенную особенность: множественность культур на земле. То, что мы скороговоркой называем «культурой», всегда подразумевая культуру общезападную, еще не есть культура всего человечества, и

ценности, которые мы называем «общечеловеческими», еще не неизменно таковы. Попытки принять, установить понятие слитно-единой глобальной культуры создают угрозу подавления для крупных самобытных культур на нашей Земле, иногда и весьма обширных пространственно или в людской численности (как китайская, индийская, японская, мусульманская), – и в некоторых совсем не обязательно наблюдалась ныне тот процесс культурного исчерпания, который отмечен выше.

Одна из таких локальных, обширных и весьма давних культур – наша русская. Сейчас многим мнится, что чем решительней мы развалим нашу традиционную национальную систему ценностей – тем быстрей и эффективней перейдем общезападную, уподобимся ей. Это – не только несостоятельная надежда (к тому же преемная культура всегда неприменима ниже перенимаемого образца), но и губительный план для нашего духовного существования. Чему у Запада нам очень нужно научиться – это активности гражданской жизни и стабильности ее. Однако нормальный, естественный путь развития любой культуры – только разумное, равновесное сочетание своих органических начал – как консервативно-сберегающих, так и творчески-обновительных, и их живое, не программируемое взаимодействие с другими культурами. В распаленном сейчас в нашей стране культурном базаре губительно было бы нам так легко дать переинициативу и проглотить нашу отечественную культуру.

А уж заговорив о культуре отечественной – со скорбью увидим, что здесь на общий кризис мировой культуры наложился еще и особый российский кризис. 70 лет наша культура была в жестокой узде, но при обильной материальной подпитке угодно-заданного направления. А вот второе десятилетие в катастрофических социальных обстоятельствах сегодняшней России – культуры и наука вовсе забыты, отмечены на обочину жизни, и достаются им только непримечательные объекты, кому – и просто нуль. Для живых людей – болезненный удар от падения, физический и моральный.

Даже та наука, от которой зависит целостность и безопасность государства или сохранение нашей природы, – безрассудно пренебрежена до презренного прозябания. Что же тогда сказать о культуре, особенно русской провинции – обширных пространств народного обитания? Мне досталось обогнать три десятка областей, побывать в районах, и в местах погуще, – от одного лишь

состояния школ и глубинных библиотек испытываю отчаяние: школы лишиены и ремонта, и нормального снабжения учебными пособиями, в библиотеках книги истерпаны от многолетия до невообразимых ложмотий, а где сверкают на полках новинки – то рассыпаемая коллекциями коммерческая детективная дребедень, либо подарки сомнительных фондов со своим заданной программой, без моральной ответственности за созревание молодых умов. Эти поколения, эти возраст за возрастом практически лишены возможностей развития не только на уровне современности, но даже на сколько-нибудь дистанционном человека. Мы – безвоздушно теряем их, в безумии зачеркиваем, – сказать бы, что в каком-то обоснованном дельном расчете? Нет, по полному недомыслию, по забвению, что кроме правящей олигархии еще живет и претендует жить какой-то народ.

Но еще горше этого падения здоровой части культуры в повальная нищету – повальный же, от самого Семнадцатого года, внутренний подрыв устоев нравственных, чувства сострадания, помощи бедствующим и слабым, утеря и исторической памяти и объединяющего национального сознания.

И если русская культура еще сегодня не погибла – то лишь благодаря поразительной самоутверженности ничем материально не подкрепленных энтузиастов и естественным подростком молодежи, талантливости которой все никак не уничтожают.

Будущее русской культуры зависит от того, сумеет ли и в этих чрезвычайных обстоятельствах наш народный гений нашупать ступеньки развития. Кто – своим талантом, кто – бескорыстной дружественной помощью талантам. В нынешнем разном, а то и потерянном состоянии умов и душ, – дадут ли народному организму живительные импульсы его «железы внутренней секреции». И доля этого совершения – в каждом из нас.

Все, что наполняет бесплодным жалким шумом и гримасами сегодняшний эфир, и все эти раздутые фигуры, напылающие в телевизионные кадры, – все они прейдут, как не было их, затеряются в Истории забытой пылью. А народное существование или гибель будут зависеть от тех, кто сквозь эти темные времена со своим сосредоточенным трудом или материальной поддержкой этого труда способствует уберечь от разрушения, поднять, укрепить, разить нашу внутреннюю мыслительную и душевную жизнь. Которая и есть культура.

24 сентября 1997 г.

ДОСЬЕ «МН»

Александр Исаевич СОЛЖЕНИЦЫН

Родился 11 февраля 1918 года в г. Кисловодске в семье землевладельца средней руки. В 1941 году окончил физико-математический факультет Ростовского государственного университета и заочно 2 курса филологического факультета МИФИ.

В октябре 1941 года призван в РККА (Красную Армию). Осенью 1942 года назначен командиром разведывательной звукобатареи. Прослужил в этой должности до начала 1945 года, когда его часть находилась в Восточной Пруссии. В феврале 1945 года ОСО (Особым Совещанием) осужден на 8 лет лагерей за критические отзывы о «полководческом гении» И.В.Сталина.

По окончании срока, в марте 1953 года, навечно сослан в Кок-Терек Джамбульской области Казахстана. Там работал преподавателем школы по математике, физике и астрономии.

В 1957 году был реабилитирован с правом проживания в средней полосе России. Работал учителем в сельской школе во Владимирской области.

Начал активно писать. С конца 1962 года поселился в Рязани. В ноябрьской книжке (№ 11) журнала «Новый мир» за 1962 год была опубликована его повесть «Один день Ивана Денисовича», на публикацию которой главный редактор журнала просил личной санкции тогдашнего Первого секретаря ЦК КПСС Никиты Хрущева, который, одобрав публикацию, поставил Президиум ЦК КПСС перед свершившимся фактом. В конце 1963 – начале 1964 года в печати активно обсуждался вопрос о присуждении Солженицыну Ленинской премии в области литературы за 1964 год.

После отставки Хрущева в советской прессе практически не печатался.

4 октября 1969 года Рязанская организация Союза писателей (СП) СССР исключила Солженицына из своих рядов. В 1974 году, после появления 1-го тома книги Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», писатель был лишен гражданства СССР и выслан за пределы страны. С 1976 года проживал в США, в штате Вермонт.

В 1990 году Указом Президента СССР Михаила Горбачева Солженицыну с супругой было возвращено гражданство СССР и предложено вернуться на Родину. Примерно в то же время в советской прессе была опубликована большая

программная статья Солженицына «Как нам обустроить Россию», впоследствии вышедшая в виде брошюры массовыми тиражами в разных издательствах.

В конце 1993 года писатель заявил о намерении вернуться в Россию.

29 мая 1994 года на самолете прибыл из США в Россию (г. Магадан), откуда прошел путь до Москвы.

Имел встречи с Президентом РФ Борисом Ельциным, 28 октября 1994 года выступил в Государственной думе ФС РФ.

Примерно до конца 1995 года активно давал интервью, встречался с журналистами российских и мировых СМИ, еженедельно участвовал в телепередаче «Встречи с Александром Солженицыным».

В мае 1997 года избран действительным членом (академиком) Российской Академии наук. Его выступление на «круглом столе» – встрече иностранных членов РАН

24 сентября 1997 года – первое публичное появление Александра Исаевича после почти двух лет скрытной жизни.

предупреждение судьбы

распоряжаться сам собой. Но даже в самых тяжелых обстоятельствах, политически пассивных, поведение каждого из нас – какой путь мы выбираем в жизни, как мы вливаем хотя бы только на окружающих, на нашу местную обстановку, – все это потом суммируется в истории России. Вот события февраля, так много хаотичных эпизодов, происходящих с как будто бы рядовыми людьми, совершенно рядовые события, а все они слагаются в огромную картину хаоса, который и придавил тогда Россию, и начал ее разваливать. Так что зависит, зависит от всех. Во многом предупреждение опоздало. Но знать историю когда-то надо. Я поражаюсь, насколько у нас история февраля неизвестна. Историки наши очень охотно будут говорить о пушкинском времени, о декабристах – каждое мелкое перышко и деталь – все известно до волоса. Как коснешься февраля – полный провал. Вообще не знают ничего: ни хода событий, ни главных деятелей, ни что от чего произошло. Я думаю, многие легко почувствуют, сердце подскажет, забыться: «Да, как это похоже на то, что произошло у нас под видом перестройки и дальше –

реформ! Как это похоже!» Хотя как будто бы совсем другая эпоха. Другая техника, связь другая. Тут появилось телевидение, радио, ничего этого не было. А тем не менее этот смятенный дух, сокрушенное сознание, когда люди мечутся, не знают, что делать, и делают себе хуже, это повторилось жестоким образом последние десятилетия. Так же как было в феврале.

– У вас есть такое выражение в «Архипелаге» – «Запасливая судьба». Т.е. судьба запасла нам некое... не отмщение, но жестокое напоминание. Горько слышать от вас, что предупреждение запоздало.

– Но будем надеяться, для того мы с вами эту серию передач начинаем. Будем надеяться, что еще многих оно настроит и многим даст лучшее понимание хотя бы сегодняшней обстановки. Ибо и сегодняшнюю обстановку многие еще не разбрали, а телевидение, конечно, дает ужасающую картину, по которой ничего понять нельзя. Одни и те же фигуры мелькают, мелькают.

Далее Александр Солженицын рассказал, как будут строиться его передачи:

– ... Будут главы очень динамичные, а будут главы трагические, осо-

бенно в момент отречения. Как шло к отречению, каковы были последствия. Кто на самом деле управлял потом Россией? Самое удивительное, что мы-то считаем, что после февральской революции управляло Временное правительство. Ничего подобного!

Временное правительство за два дня до того, как оно получило власть, связало себе руки обязательством перед исполнительным комитетом Совета рабочих депутатов. А исполнительный комитет – это не Совет. В Совете было полторы – две тысячи рабочих и солдат, которые ничего не решали, ничего не значили, а только голосовали. А вот эта кучка, сперва 15, потом 30 человек, анонимных, сидящих в закрытом кабинете, они все решали и диктовали Временному правительству. Вот что еще нужно понять. Временное правительство было на виду, и казалось, что оно делает ошибки. Ну, конечно, оно делало многие ошибки, но еще оно страшно боялось исполнительного комитета. Так что уродливая, очень уродливая у нас была история. Потом будут главы с Лениным в Швейцарии. В марте 17-го он готовится к возвращению в Россию. Несколько глав будет о Ленине.

– Александра Исаевича, «Красное

Колесо» – это художественное произведение, но с сильнейшим политическим звучанием. Скажите, пожалуйста, для вас действительно важно, чтобы такая политическаяnota была важнее художественной?

– Конечно, это художественное произведение, но это и абсолютно безусловно точный репортаж о том, как происходили исторические события. Я считал своей главной задачей – донести истинный ход событий февраля. Истинный. Для этого я потеснил своих сочиненных художественных персонажей. Я никогда не придумывал исторических лиц, которых не было. Я брал абсолютно реальных исторических лиц, и моя художественная работа была в том, что я вживался в них. Т.е. абсолютно во всех – в два, три десятка самых крупных политических деятелей, начиная от царя и кончая революционерами. Я в них вживался, и каждую главу, посвященную одному, другому, третьему, в этого человека входил, мыслил за него, решал его категориями и все оценивал, как он думает... У меня исторические лица – художественно проработаны. Я через них прошел. И в этом моя художественная работа.